

Ольга Старовойтова

ЛИФТ ПЕРЕМЕН
ЧАСТЬ 2.

Ольга Старовойтова

Лифт перемен. Часть 2

<https://litres.ru/74168453>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год назад они застряли в лифте — три незнакомые женщины в темноте. Вышли — и не разошлись.

Теперь у каждой из них — новая жизнь. Марина привыкает к материнству и узнаёт сына заново. Надежда учится не быть одной — и однажды обнаруживает, что страх может прийти, откуда не ждёшь. Александра и Михаил выбирают свой путь к семье через усыновление — и этот путь оказывается куда сложнее, чем они могли представить.

Это книга о том, как люди становятся своими. Не сразу, не по плану — через общий чат в три часа ночи, через первое «мама», сказанное робко и с надеждой, через плёночный снимок, который нельзя переснять.

Здесь нет громких событий — только тихие моменты, из которых и состоит настоящая жизнь. Мальчик, который ведёт список обещаний. Юноша, который учится любить через объектив. Девушка у моста, которая берёт за руку просто так.

И лифт — который давно уже не застревает.

Но те, кто застрял в нём год назад — знают: иногда темнота нужна, чтобы услышать голос рядом.

Содержание

Глава 1. Годовщина	4
Глава 2. Ноябрь. Школа	29
Глава 3. Декабрь. Бумаги	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лифт перемен. Часть 2

Глава 1. Годовщина

Александра позвонила в первых числах октября — не написала в чат, позвонила голосом, что само по себе было сигналом.

Марина взяла трубку на третьем гудке — стояла на кассе, прикрыла рот рукой.

— Слушаю.

— Марина. Двенадцатое октября — вы помните что это?

— Год лифту, — сказала Марина.

— Год лифту. Приходите ко мне. Обе.

— Во сколько?

— В семь. Михаил будет на объекте до ночи, мы одни.

— Что-то случилось?

Пауза — короткая, но Марина её почувствовала.

— Хочу рассказать вам кое-что, — сказала Александра.

— Лично, не в чате.

— Хорошо, — сказала Марина. — Буду.

Она убрала телефон и написала Надежде:

«Двенадцатого к Александре. Она что-то знает»

Надежда ответила через минуту — она была на уроке, печатала под партой, судя по скорости:

«Хорошее или плохое?»

«Голос нормальный. Скорее хорошее»

«Буду»

Двенадцатого октября Петербург был именно таким, каким он бывает в середине осени — тяжёлым, мокрым, с тем особым запахом прелых листьев и близкой зимы, который ни с чем не спутаешь. Не неприятным — просто честным. Город не притворялся.

Надежда приехала первой — с тортом из той самой кондитерской на Петроградской, которую они все полюбили за год.

Марина — следом, без торта, но с пирогом. Само собой.

Александра открыла дверь — в домашнем, без делового пиджака, волосы не убраны. За год Марина научилась читать Александру по таким деталям: если волосы распущены — значит, дома настоящая, не рабочая.

— Проходите, — сказала она.

В квартире пахло едой — Александра готовила, что случалось не часто, но в последний год случалось чаще.

— Ты готовила? — сказала Марина в прихожей.

— Михаил научил кое-чему простому.

— Кое-что простое у тебя пахнет серьёзно.

— Курица, — сказала Александра. — Это даже я не испорчу.

Они прошли на кухню. Стол был накрыт — не официально, по-домашнему. Свечи, три бокала, хлеб. Александра

умела делать стол красивым без усилий — это было в ней с рождения, Марина давно признала.

Надежда поставила торт, Марина — пирог.

— Много еды, — сказала Александра.

— Год, — сказала Марина. — Надо много.

Сели. Александра разлила вино — Марине чуть меньше, Надежде чуть больше, себе совсем немного. Марина заметила, но не сказала ничего.

— Год, — сказала Надежда. — Год назад мы стояли в тёмном лифте, и Марина говорила что-то резкое.

— Я не помню что именно, — сказала Марина.

— Что-то про управляющую компанию, — сказала Александра.

— Вполне вероятно.

— И про лифт, который чинят раз в пятилетку.

— Тоже вероятно.

Надежда улыбалась — той улыбкой, которая у неё появилась за этот год. Не осторожной, не виноватой — просто улыбкой человека, которому хорошо.

— Год, — повторила она тихо. — Сергей... Я иногда думаю — если бы лифт не сломался?

— Не думай, — сказала Марина. — Сломался — и хорошо.

— Хорошо, — согласилась Надежда.

Они выпили — за лифт, как в новогоднюю ночь. Традиция, которую никто не объявлял, но все соблюдали.

Поели. Говорили про год — про то, как изменилось всё и как не изменилось ничего важного. Надежда рассказала про Климова — он перешёл в десятый, стал ещё невыносимее и ещё талантливее. Марина сказала, что Антон вытянул год на четвёрки, что само по себе было событием.

Александра слушала, улыбалась, подливала вино — себе почти не подливала.

Марина следила за этим краем глаза.

После торта — Надеждиного, с малиной — Александра поставила чайник и села прямо. Это тоже был сигнал — когда Александра садилась прямо, она собиралась говорить что-то важное.

Марина поставила чашку.

— Ну, — сказала она. — Говори.

Александра посмотрела на них обоих — на Марину, на Надежду. Потом сказала:

— Мы с Михаилом хотим усыновить ребёнка.

Тишина.

Не неловкая — просто настоящая. Та, которая бывает когда слова большие и им нужно место.

Надежда смотрела на Александру. Марина смотрела на стол — секунду, не больше — потом подняла глаза.

— Давно решили? — спросила Марина.

— Оказалось, что думали давно, но каждый по отдельности, — сказала Александра. — А решили — летом в Марселе.

— В Марселе, — повторила Надежда тихо.

— Мы ходили по городу, зашли в какой-то двор — там была маленькая площадка, человека три детей играли. Михаил остановился и смотрел долго. Потом говорит — Александра. Я говорю — я знаю. Он говорит — ты уверена? Я говорю — да.

— Вот так просто? — спросила Марина.

— Вот так просто, — сказала Александра.

Надежда сложила руки на столе.

— Саша, — сказала она. Впервые — Саша, не Александра. Само вышло. — Это большое решение.

— Я знаю.

— Ты не боишься?

Александра помолчала — не потому что не знала ответа, а потому что хотела ответить точно.

— Боюсь, — сказала она. — Боюсь, что не справлюсь. Что я слишком — ты знаешь, какая я. Системная, контролирующая. Дети не работают по системе.

— Не работают, — согласилась Марина.

— Михаил говорит — ты справишься, ты умеешь учиться. Я говорю — это не навык. Он говорит — всё навык, просто некоторые приходят через сердце, а не через голову.

— Умный мужик, — сказала Марина.

— Умный, — согласилась Александра. И чуть улыбнулась — так, как улыбаются про человека, которого любят.

— Маленький? — спросила Надежда. — Вы думаете о ма-

льше или постарше?

— Мы открыты, — сказала Александра. — Михаил говорит — кто будет наш, тот и будет. Я пока не умею так думать, но учусь.

— С чего начнёте? — спросила Марина. Она спрашивала конкретно — это был её способ поддержки, Александра знала.

— Уже начали. Школа приёмных родителей — записались на ноябрь. Документы собираем. Там список — я тебе покажу, Марин, ты в бумагах лучше меня ориентируешься.

— Покажи, разберёмся, — сказала Марина. Без лишних слов — просто взяла и приняла как задачу.

Надежда встала, обошла стол и обняла Александру — крепко, по-настоящему, как обнимают когда слов мало.

Александра сначала чуть напряглась — она всё ещё не сразу умела принимать объятия — потом отпустила.

— Спасибо, — сказала она.

— За что? — спросила Надежда. — Это вы с Михаилом.

— За то, что вы обе здесь.

Марина сидела и смотрела на них. Потом сказала — тихо, не в своей обычной манере:

— Саша.

Александра посмотрела на неё.

— Ты будешь хорошей мамой, — сказала Марина. — Я знаю. Ты умеешь любить — просто делаешь это медленно и по-своему. Это нормально.

Александра смотрела на неё.

— Ты так думаешь?

— Я так знаю, — сказала Марина. — Разница есть.

За окном октябрьский Петербург лежал в темноте — мокрый, тяжёлый, честный. В квартире горели свечи, стоял недоеденный торт, три женщины сидели за столом и держали что-то важное — аккуратно, вместе.

Надежда вернулась на своё место. Взяла чашку.

— Ещё чай? — спросила Александра.

— Ещё чай, — сказала Марина.

Александра встала к чайнику. Спиной к ним — и они обе видели как она чуть выдохнула. Как будто сказала вслух — и стало легче. Как всегда бывает, когда носишь что-то важное внутри, а потом отдаёшь людям, которым доверяешь.

Марина смотрела на её спину и думала своё.

Думала про то, что у неё тоже есть новость. Что она носит её уже две недели — одна, не сказав никому, даже Виктору. Что тест она делала трижды, потому что не верила, потому что в сорок три года такие вещи не должны случаться, или должны, но не с ней, или с ней, но не сейчас.

Она смотрела на Александру у чайника и думала — не сегодня. Сегодня Сашин вечер. Своё она скажет потом.

Александра вернулась с чайником, разлила.

— Ну, — сказала Надежда, — расскажи про школу приёмных родителей. Что это вообще такое.

— Курсы, — сказала Александра. — Обязательные. Без

них документы не примут. Психологи, юристы, люди которые уже прошли через это. Восемь занятий.

— Долго?

— Месяц примерно. Михаил говорит — хорошо, что есть, лучше знать заранее, чем потом.

— Он прав, — сказала Марина.

— Он всегда прав в таких вещах, — сказала Александра.

— Это иногда раздражает.

Надежда засмеялась.

— Сергей тоже, — сказала она. — Говорит спокойно и по делу, и всегда оказывается прав. Я сначала злилась. Потом привыкла.

— Виктор другой, — сказала Марина. — Он не говорит что прав. Просто делает — и получается.

— Нам повезло, — сказала Надежда.

— Повезло, — согласилась Марина.

Александра держала чашку и смотрела на свечу.

— Знаете, что я поняла за этот год? — сказала она.

— Что? — спросила Надежда.

— Что я всю жизнь строила всё одна. Специально. Думала — так надёжнее. Если только сама, то никто не подведёт и не уйдёт. — Пауза. — А потом оказалось что вдвоём надёжнее. Не потому что Михаил не подведёт — он человек, все люди могут подвести. А потому, что когда ты не одна — ты другая. Лучше.

Тихо.

— Это важная вещь, — сказала Надежда тихо.

— Я долго к ней шла, — сказала Александра.

— Главное, что пришла, — сказала Марина.

Александра посмотрела на неё.

— Марин?

— Что?

— Ты сегодня молчишь больше обычного.

Марина подняла бровь.

— Я всегда молчу.

— Ты всегда говоришь коротко, — поправила Александра. — Это разное. Сегодня ты молчишь.

Марина смотрела на неё. Потом на Надежду. Потом на свою чашку.

— Всё нормально, — сказала она.

— Марина, — сказала Надежда.

— Что?

— Мы тебя знаем уже год.

— И что?

— И то, — сказала Надежда. — Что-то есть.

Марина молчала секунду. Потом ещё секунду.

Потом сказала — коротко, в стол, почти без выражения:

— Я беременна.

Тишина.

Другая тишина — не та, что была после Александры. Эта была растерянной, широкой, как будто комната стала больше.

Надежда смотрела на Марину — не говорила ничего, просто смотрела.

Александра поставила чашку.

— Сколько? — спросила она.

— Шесть недель, — сказала Марина. — Примерно.

— Виктор знает?

— Нет.

— Почему?

Марина молчала.

— Марин, — сказала Надежда тихо. — Почему ты не сказала Виктору?

— Потому что я сама ещё не знаю, что с этим делать, — сказала Марина. Голос был ровным, но что-то под ним — не очень. — Мне сорок три года. Антон взрослый почти. Я думала, что эта история у меня закончилась. А она — нет.

— Это плохо? — спросила Александра осторожно.

— Не знаю, — сказала Марина. — Вот честно — не знаю. Я делала тест три раза. Три раза одно и то же. Стояла в ванной и смотрела на полоски и не понимала, что чувствую.

Что чувствовала? — спросила Надежда. Тихо, без нажима.

Марина помолчала.

— Страх, — сказала она. — Сначала страх. Потом — не знаю, как это назвать. Что-то тёплое. Маленькое такое. — Она помолчала ещё. — Потом снова страх, потому что мне сорок три, потому что Антон, потому что люди будут смот-

реть и думать — вот тётка, в её возрасте и туда же.

— Какие люди? — сказала Александра.

— Любые.

— Марина, — сказала Александра, — мне сорок один и я иду усыновлять ребёнка. Нам с тобой не до чужих мнений.

Марина посмотрела на неё.

— Это другое.

— Чем другое?

— Ты усыновляешь. Это осознанное решение, к которому ты шла. А я — случайно. В сорок три. Это смешно.

— Это не смешно, — сказала Надежда.

— Надя, ты молодая и не беременная, тебе не понять.

— Мне сорок два, на минуточку — сказала Надежда спокойно. — И я беременна тоже.

Тишина.

Полная, абсолютная — как будто октябрьский город за окном тоже замолчал.

Александра смотрела на Надежду.

Марина смотрела на Надежду.

Надежда смотрела на них обеих — и вдруг засмеялась — негромко, растерянно, как смеются, когда сами не ожидали что скажут.

— Я только сейчас решила сказать, — сказала она. — Когда Марина сказала про себя — я не могла молчать.

— Сколько? — спросила Марина.

— Восемь недель.

— Сергей знает?

— Знает. Мы узнали вместе — я купила тест, он был дома, мы смотрели вдвоём.

— И?

— И он сказал — Надя! Я говорю — что? Он говорит — это хорошо. Я говорю — мама убьёт нас обоих, мы не женаты. Он говорит — переживём. Не убила же, когда через три месяца после знакомства ты переехала ко мне.

Марина смотрела на неё.

— Вы не женаты, — повторила она.

— Не женаты, — подтвердила Надежда. — Потому, что мама. Потому, что я каждый раз собираюсь поговорить с ней и каждый раз — потом, завтра, на следующей неделе. Год уже.

— Надя, — сказала Александра.

— Я знаю, — сказала Надежда. — Я трус. Я это знаю.

— Ты не трус, — сказала Марина. — Ты дочь. Это сложнее.

Надежда посмотрела на неё.

— Ты первая кто так говорит.

— Потому что я тоже была чьей-то дочерью, — сказала Марина. — Я свою маму потеряла. Ты боишься потерять — по-другому, не так, но боишься. Это понятно.

За окном шёл дождь — тихий, осенний, по стеклу.

Три женщины сидели за столом в квартире с потолками три десять, и у каждой было что-то большое — своё, новое,

страшное и тёплое одновременно.

Александра первой взяла свою чашку.

— Значит так, — сказала она. Голосом, который она использовала, когда принимала решения — спокойным, ясным. — Нас трое. У нас у троих сейчас — много, что будет происходить. Разное, но много. И мы будем делать это вместе. Как лифт.

— Как лифт, — сказала Надежда.

— Как лифт, — сказала Марина. Помолчала. — Хоть бы этот не ломался.

Надежда засмеялась — сначала тихо, потом громче. Александра следом. Марина последней, но по-настоящему, от живота, как смеются только когда страшно и смешно одновременно.

Смех утих. Стало тихо и хорошо.

— Виктору скажешь? — спросила Александра Марину.

— Скажу, — сказала Марина. — Сегодня. Приеду домой и скажу.

— Хочешь — поедem с тобой, — сказала Надежда.

— Нет, — сказала Марина. — Это я сама. — Она помолчала. — Но спасибо.

— Мама, — сказала Александра Надежде. — Когда расскажешь?

— Не знаю, — сказала Надежда. — Скоро уже не получится не рассказать.

— Мы будем рядом, — сказала Марина. — Когда ре-

шишься.

— Я знаю, — сказала Надежда — Поэтому и решусь.

Александра встала, убрала чашки, поставила чайник снова — просто, чтобы руки были заняты. Потом остановилась у окна.

— Знаете что, — сказала она.

— Что? — спросила Надежда.

— Год назад мы стояли в тёмном лифте. Три незнакомые женщины. И ни у одной не было ничего из того, что есть сейчас.

— Ни у одной, — согласилась Марина.

— У меня был пустой ноутбук и таблица по шести параметрам.

— У меня был сын и усталость, — сказала Марина.

— У меня была мама и шкаф с красным платьем, которое я не надевала, — сказала Надежда.

Они помолчали — все трое.

— А теперь, — сказала Александра, — у нас у троих дети. Кто усыновляет, кто уже ждёт. — Она помолчала. — Это странно и хорошо одновременно.

— Это жизнь, — сказала Марина. — Она всегда идет странно и хорошо.

Надежда смотрела на них обеих — на Марину, которая держалась ровно, но внутри наверняка всё ещё не разобралась, на Александру у окна, которая уже собрала себя обратно и думала вперёд.

— Саша, — сказала Надежда.

— Что?

— Ты сказала — боишься, что ты слишком системная.

Что дети не работают по системе.

— Сказала.

— Ты уже год живёшь с Михаилом, — сказала Надежда.

— Он работает по системе?

Александра подумала.

— Нет, — сказала она. — Совсем нет.

— И что?

— И я его люблю, — сказала Александра. Просто, без украшений.

— Вот именно, — сказала Надежда.

Марина смотрела на Надежду.

— Ты стала мудрой, — сказала она.

— Это Тургенев, — сказала Надежда. — И Сергей. И вы обе.

— Много источников, — сказала Марина.

— Хорошие источники.

Чайник закипел. Александра разлила по третьему кругу. За окном дождь стал сильнее — осенний, настойчивый, петербургский.

Они сидели ещё долго — торт давно кончился, пирог наполовину. Говорили и молчали по очереди, как умеют только люди, которые знают друг друга достаточно, чтобы не заполнять каждую паузу.

В половине одиннадцатого Надежда начала собираться — Сергей ждал, она обещала не поздно.

В прихожей Александра помогла ей с пальто.

— Надя, — сказала она тихо, пока Марина была в комнате.

— Что?

— Мама узнает — будет трудно?

Надежда застегнула пуговицу.

— Будет, — сказала она. — Но знаешь — я подумала сегодня. Мне сорок два, у меня будет ребёнок, я люблю Сергея и он любит меня. Мама — это важно, это очень важно. Но это моя жизнь. Я имею право.

— Имеешь, — сказала Александра.

— Раньше не умела так думать.

— Сейчас умеешь.

— Сейчас умею.

Марина вышла в прихожую, одетая.

— Я с тобой до метро, — сказала она Надежде.

— Не надо, дождь.

— Именно поэтому.

Они попрощались с Александрой у двери — коротко, по-своему. Надежда обняла. Марина сжала руку — крепко, на секунду.

— Завтра напишите, — сказала Александра.

— Напишем, — сказала Марина.

Дверь закрылась.

Александра прошла обратно на кухню. Убрала со стола, погасила свечи — три огарка, догоревших до конца.

Достала телефон. Написала Михаилу:

«Подруги ушли. Всё хорошо. Рассказала им».

Он ответил через минуту — он всегда отвечал быстро, когда она писала поздно:

«Как они?»

«Хорошо. Миш, у нас будет компания».

«В каком смысле?»

Александра улыбнулась в телефон.

«Марина беременна. Надежда тоже. Мы все трое одновременно».

Долгая пауза.

Потом:

«Лифт продолжает работать».

Она засмеялась — в тихой кухне, одна, в половине одиннадцатого вечера.

Написала:

«Продолжает. Приезжай скорее».

«Еду. Полчаса».

Она убрала телефон. Подошла к окну — то же окно, та же Невка внизу, те же огни на том берегу. Всё то же и всё другое.

Год назад она стояла у этого окна и думала про Марсель.

Сейчас думала про ребёнка — где-то он есть, этот ребёнок. Может маленький, может постарше. Может в Петербурге, может нет. Не знает еще, что она существует. Что Михаил

существует. Что для него уже есть место — в мастерской с потолками три сорок и в квартире с потолками три десять, и в двух сердцах, которые уже решили.

Она прижала ладонь к стеклу — холодному, октябрьскому.

— Подожди немного, — сказала она тихо. Вслух, в пустую кухню. — Мы идём.

В эту же ночь, в двенадцать минут двенадцатого, Марина вошла в свою квартиру.

Виктор не спал — сидел на кухне с кружкой, читал что-то на телефоне. Поднял голову, когда она вошла.

— Поздно, — сказал он.

— Засиделись.

Она сняла куртку, разулась. Прошла на кухню, села напротив него.

Виктор смотрел на неё.

— Марина, — сказал он.

— Что.

— Ты две недели какая-то не такая.

— Какая не такая?

— Тихая. Ты не бываешь такой тихой.

Она смотрела на него — на это лицо, которое за год стало своим, на руки которые умели всё, на человека, который налил ей суп, когда она болела и поставил у двери и написал — не открывай, заразишь.

— Виктор, — сказала она.

— Да.

— Я беременна.

Он не сказал ничего — секунду, две, три. Просто смотрел на неё.

Марина ждала. Она не знала, чего ждала — испуга, растерянности, неловкого молчания. Чего угодно.

Он встал из-за стола. Подошёл к ней. Присел рядом на корточки — чтобы быть на уровне её глаз — и взял её руки в свои.

— Сколько? — спросил он тихо.

— Шесть недель примерно.

— Ты давно знаешь?

— Две недели.

— Почему не сказала?

— Сама разбиралась.

— Разобралась?

Марина смотрела на его руки — большие, тёплые, надёжные.

— Нет, — призналась она. — Не разобралась. Страшно, Витя. Мне сорок три. Антон взрослый. Люди сплетничать будут.

— Какие люди?

— Любые. Будут смотреть, обсуждать.

— Пусть смотрят, — сказал Виктор. Спокойно, без пафоса — просто факт.

— Это легко говорить.

— Марина, — сказал он. — Смотри на меня.

Она посмотрела.

— Мне пятьдесят лет, — сказал он. — У меня будет ребёнок. Я счастлив! Это всё, что мне нужно знать.

— Ты счастлив, — повторила она.

— Да.

— Ты не боишься?

— Боюсь, — сказал он. — Но это другой страх. Хороший. Марина смотрела на него.

— Хороший страх, — сказала она.

— Когда боишься потерять что-то важное — это хороший страх. Значит, есть что терять.

Она молчала секунду. Потом что-то внутри — то, что держала две недели, одна, в ванной с тестами — отпустило. Не сразу, не полностью, но отпустило.

— Антону надо сказать, — сказала она.

— Скажем вместе, — сказал Виктор. — Когда ты будешь готова.

— Он может не понять.

— Может, — согласился Виктор. — Но он умный. И он любит тебя. Это важнее.

Марина смотрела на его руки на своих руках.

— Ты всегда такой? — сказала она.

— Какой?

— Спокойный.

— Нет, — сказал Виктор. — Не всегда. Просто сейчас — да. Потому, что ты напугана, и одному из нас надо быть спокойным.

Она смотрела на него долго.

Потом сказала — тихо, не своим обычным голосом, а тем, который она берегла:

— Хорошо, что ты есть.

Он сжал её руки.

— Хорошо, что ты есть, — повторил он. — Оба хорошо.

Они сидели на кухне — он на корточках рядом с ней, она с его руками в своих — и за окном шёл тот же октябрьский дождь, что и над Крестовским островом, над Петроградской, где шла домой Надежда, над всем городом сразу.

Потом Виктор встал, поставил чайник — молча, по привычке.

Марина смотрела на его спину.

— Витя, — сказала она.

— Что?

— Я не умею бояться вслух. Ты знаешь.

— Знаю.

— Буду стараться.

— Я знаю, — сказал он снова. — Я подожду.

Чайник закипел.

В эту же ночь Надежда лежала рядом с Сергеем и смотрела в потолок.

Он не спал — она чувствовала по дыханию.

— Сергей, — сказала она.

— Да?

— Я сегодня сказала девочкам.

— Обеим?

— Обеим. И про беременность, и про маму. Про то, что откладываю.

— Как они?

— Хорошо. — Пауза. — Марина тоже беременна.

Сергей помолчал.

— Вот как.

— И Александра с Михаилом усыновляют.

— Все трое, — сказал он тихо.

— Все трое.

Он лежал рядом и молчал — тем молчанием, которое у него означало, что думает.

— Надя, — сказал он наконец.

— Что?

— Маме надо сказать.

— Я знаю.

— Скоро уже будет видно.

— Я знаю, Серёжа.

— Ты боишься, что она не примет?

Надежда смотрела в потолок.

— Она любит меня, — сказала она. — Я в это верю. Но она умеет любить так, что больно. Понимаешь?

— Понимаю.

— Она скажет — как ты могла, не замужем, что люди скажут, я так не воспитывала. — Надежда говорила ровно, как повторяет давно известное. — Она будет плакать. Я буду виновата.

— Ты не будешь виновата.

— Буду чувствовать себя виноватой. Это одно и то же.

Сергей повернулся к ней. Положил руку ей на живот — осторожно, как кладут на что-то важное.

— Надя, — сказал он. — Я буду рядом. Когда скажешь маме — я буду рядом. Не за дверью, не на телефоне — рядом.

— Она будет злиться на тебя.

— Пусть злится.

— Она умеет долго злиться.

— Я умею долго ждать, — сказал он. — Год уже жду, пока ты поговоришь с ней.

Надежда закрыла глаза.

— Это нечестно.

— Что нечестно.

— Ты добрый. Это нечестно с моей стороны — пользоваться.

— Ты не пользуешься, — сказал Сергей. — Ты боишься. Я вижу разницу.

— Сергей.

— Что?

— Я поговорю с ней. Скоро. Пока не знаю когда именно, но скоро.

— Хорошо.

— Ты не будешь торопить?

— Нет.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Надежда открыла глаза. Потолок был тёмным и тихим.

— Сергей, — сказала она.

— Да?

— Спасибо, что ты такой.

— Какой?

— Такой, — повторила она. — Просто такой.

Он ничего не сказал — только придвинулся чуть ближе.

Она закрыла глаза снова.

За окном шёл дождь и Петербург засыпал — большой, мокрый, осенний. В трёх разных квартирах три женщины лежали, каждая рядом со своим человеком, и думали про одно и то же — про страх и про то, что он хороший, про детей, которые ещё не пришли или уже ждут где-то, про жизнь, которая разворачивается не по плану и именно поэтому — настоящая.

Чат «Лифт» молчал до утра.

Утром первой написала Марина — в 7:43, как всегда:

«Сказала Виктору»

Надежда — через две минуты:

«И?»

«Он счастлив»

Александра:

«Я знала»

«Откуда?», — написала Марина.

«Он такой человек»

Марина помолчала. Потом написала:

«Да. Такой»

Надежда написала:

«Я тоже сказала. Девочкам, в смысле уже сказала — вам.

А Сергей знал. Маме пока нет»

Марина:

«Скажешь?»

«Скажу. Скоро»

Александра:

«Мы будем рядом»

«Знаю»

Марина написала последнее в это утро — коротко, без лишнего:

«Нас трое. Справимся»

Чат замолчал — все трое ушли в свои дни, в работу, в обычную жизнь, которая теперь была немного другой.

Глава 2. Ноябрь. Школа

Школа приёмных родителей располагалась в обычном административном здании на Васильевском — третий этаж, длинный коридор, кабинет с партами, как в обычной школе, только парты взрослые.

Александра вошла первой — пришла за десять минут, по привычке. Огляделась.

За партами сидели люди — разные, никакой однородности. Молодая пара, она лет двадцати восьми, он чуть старше — держались за руки и молчали. Женщина одна, лет сорока пяти, в деловом костюме, с папкой — смотрела в телефон. Мужчина у окна, большой, тихий, ждал кого-то. Ещё несколько пар, несколько одиночек.

Михаил вошёл через минуту — нашёл её взглядом сразу, сел рядом.

— Много народу, — сказал он тихо.

— Разные все, — сказала Александра.

— Это хорошо.

Она смотрела на людей вокруг и думала — у каждого своя причина. Своя история до этой комнаты. Свой страх и своя надежда. Парты одинаковые, люди разные.

Вошла женщина — лет пятидесяти, короткие волосы, спокойное лицо. Поставила сумку, оглядела комнату.

— Добрый день, — сказала она. — Меня зовут Ирина Ва-

сильевна, я психолог, веду этот курс уже двенадцать лет. Для начала — никто из вас не обязан ничего рассказывать о себе прямо сейчас. Мы не на исповеди. Мы здесь, чтобы думать вместе.

Александра почувствовала, как что-то внутри чуть ослабилось.

— Первое занятие, — продолжала Ирина Васильевна, — про ожидания. Не про документы, не про процедуры — это потом. Сначала — чего вы ждёте. От ребёнка, от себя, от этого решения.

Пауза.

— Это звучит просто, — сказала она. — Но обычно здесь начинается самое сложное.

Михаил покосился на Александру. Она смотрела на Ирину Васильевну — внимательно, как смотрит человек, который пришёл учиться по-настоящему.

Первым заговорил мужчина у окна — тот самый, большой и тихий. Оказалось — один, жена умерла два года назад, дочь выросла, дом большой и тихий. Говорил просто, без надрыва. Ждёт ребёнка лет семи-восьми. Мальчика или девочку — всё равно.

— Почему семь-восемь? — спросила Ирина Васильевна.

— Маленьких берут охотнее, — сказал он. — Мне кажется несправедливым.

Тихо.

Молодая пара — выяснилось, не могут иметь детей, три

года попыток, устали бояться и решили. Она говорила, он держал её руку и смотрел в стол.

Женщина в деловом костюме — одна, сорок семь лет, никогда не была замужем, говорит, что не жалеет, но ребёнка хочет давно.

Александра слушала и думала — все разные, все со своим, и все здесь. Это что-то значило.

Ирина Васильевна посмотрела на неё.

— Вы?

Александра не любила говорить о себе в группах. Привыкла думать, что это слабость — открываться незнакомым.

Но она посмотрела на мужчину у окна, который говорил про несправедливость. На молодую пару. На женщину с папкой.

— Меня зовут Александра, — сказала она. — Мы с мужем. — Она посмотрела на Михаила. — Я долго строила всё сама. Думала, что так надёжнее. Потом поняла что надёжнее — вместе. Сначала нас стало двое. Теперь хотим, чтобы стало больше.

— Почему усыновление? — спросила Ирина Васильевна.

— Потому что где-то есть ребёнок, которому нужна семья, — сказала Александра.

— И нам нужен ребёнок, — добавил Михаил. Тихо, но все услышали.

Ирина Васильевна смотрела на них обоих.

— Хороший ответ, — сказала она. — Оба его сказали —

это важно.

После занятия они шли к машине молча — по Васильевскому, по мокрому тротуару, под фонарями.

— Ну, — сказал Михаил.

— Ну, — сказала Александра.

— Как ты?

— Не знаю ещё. — Она помолчала. — Мужчина у окна. Про несправедливость.

— Я тоже думал про него.

— Он один.

— Да.

— Это тяжело — идти на такое одному.

— Но он идёт, — сказал Михаил.

Александра смотрела под ноги — мокрые листья, асфальт, отражение фонаря в луже.

— Миша, — сказала она.

— Да?

— Я боюсь, что окажусь недостаточно. Не в смысле документов или денег. В смысле — внутри.

— Недостаточно чего?

— Тепла, — сказала она. Это слово далось с усилием — она не привыкла говорить такие слова вслух. — Я не знаю, как это — быть мамой. Я выросла с мамой, которая любила, но не умела показывать. Я такая же. Что если ребёнку нужно другое.

Михаил остановился.

Она остановилась рядом.

— Александра, — сказал он.

— Что?

— Ты помнишь, как ты первый раз приехала в мастерскую?

— Помню.

— Ты посмотрела на макет и сразу поняла про нишу. Про защищённость и открытость. Никто до тебя так не читал этот проект.

— Это другое.

— Это то же самое, — сказал он. — Ты умеешь видеть, что нужно человеку. Просто не веришь, что умеешь.

Она смотрела на него.

— Это не аргумент.

— Это наблюдение, — сказал он. — За год. Я наблюдаю внимательно.

Она помолчала.

— Ирина Васильевна сказала, что на третьем занятии будут люди, которые уже усыновили. Расскажут, как было.

— Пойдём, — сказал Михаил.

— Пойдём, — согласилась она.

Они пошли дальше — по Васильевскому, в ноябрьскую ночь.

В эту же неделю Марина сказала Антону.

Она выбрала вечер среды — Антон пришёл из школы,

поел, был в относительно человеческом расположении духа. Сидел на кухне с учебником, но не читал — смотрел в окно.

Виктор был рядом — они договорились заранее, что вместе.

Антон увидел, что они оба садятся напротив и сразу закрыл учебник. Посмотрел на мать, потом на Виктора.

— Что случилось, — сказал он. Не спросил — сказал.

— Ничего плохого, — сказал Виктор.

— Антон, — сказала Марина. — Я беременна.

Тишина.

Антон смотрел на мать. Потом на Виктора. Потом снова на мать.

— Ты серьёзно? — спросил он.

— Серьёзно.

Он молчал — долго, для него. Обычно Антон реагировал быстро — словом, жестом, уходом в комнату. Сейчас просто сидел и смотрел на стол.

Марина ждала. Она умела ждать — научилась за семнадцать лет.

— Сколько тебе лет? — спросил Антон наконец.

— Сорок три.

— Это не опасно?

Марина не ожидала этого вопроса. Она ожидала — как ты могла, или это странно, или молчание и хлопнутую дверь.

— Есть риски, — сказала она честно. — Врачи знают, следят. Я под наблюдением.

Антон кивнул — медленно, обдуманно.

— Это будет мой брат или сестра, — сказал он.

— Да.

— Сводный?

— Родной, — сказал Виктор тихо. — Если ты захочешь.

Антон посмотрел на Виктора. Долго посмотрел — тем взглядом, которым смотрят, когда взвешивают.

— Я подумаю, — сказал он наконец.

— Хорошо, — сказал Виктор.

Антон встал, взял учебник.

— Мам, — сказал он у двери.

— Что?

— Ты не старая. Ты нормальная.

Он ушёл в комнату. Дверь закрылась — тихо, не хлопнул.

Марина сидела и смотрела на закрытую дверь.

Виктор накрыл её руку своей.

— Нормально, — сказал он тихо.

— Нормально, — повторила она. Голос был ровным, но глаза — нет.

Она не плакала. Марина вообще редко плакала. Но что-то такое стояло — близко, у самого края.

— Он сказал, что я нормальная, — сказала она.

— Сказал.

— Это много для него.

— Я знаю.

Она смотрела на закрытую дверь.

— Витя, — сказала она.

— Что?

— Он спросил про риски. Не про то, странно это или нет, не про себя — про меня спросил. Не опасно ли?

— Я слышал.

— Ему пятнадцать лет, — сказала Марина. — И он спросил про риски.

Виктор молчал.

— Я его правильно воспитала, — сказала она. Тихо, почти про себя. Не как похвала себе — как открытие.

— Правильно, — сказал Виктор.

Она, наконец, отвела взгляд от двери. Посмотрела на Виктора.

— Всё будет нормально, — сказала она. Первый раз сказала это — не потому что надо было, а потому что поверила.

— Будет, — сказал он.

Написала в чат «Лифт» в половине одиннадцатого:

«Сказала Антону»

Надежда — сразу, она ещё не спала:

«Как он?»

«Спросил про риски. Не опасно ли мне?»

Долгая пауза.

Александра:

«Вот это мальчик»

«Да, — написала Марина. — Вот это мальчик»

Надежда прислала солнышко — маленькое, жёлтое, как всегда.

Марина посмотрела на него.

Впервые за две недели не захотела его удалять.

В ноябре жизнь у всех троих шла своим чередом — плотно, по-петербургски, без пауз.

Александра и Михаил ходили на занятия в школу приёмных родителей — каждую среду, восемь вечера, третий этаж на Васильевском. Постепенно люди в группе из незнакомых становились узнаваемыми — мужчина у окна, которого звали Павел, молодая пара — Катя и Дима, женщина в деловом костюме — Светлана Игоревна, бухгалтер, сухая снаружи и очень внимательная внутри.

На третьем занятии пришли двое — муж и жена лет сорока пяти. Они усыновили ребёнка четыре года назад. Говорили без пафоса, без красивых историй. Говорили про то, как было трудно в первые месяцы, про то, как мальчик не подпускал к себе полгода, про то, как однажды утром он сам пришёл и лёг рядом и это было всё.

Александра слушала и не говорила ничего.

Михаил смотрел на неё — видел, как она слушает, как что-то в лице меняется. Не спросил ничего.

После занятия шли к машине — молча, дольше обычного.

— Полгода, — сказала Александра наконец.

— Да.

— Полгода он не подпускал.

— Да.

— И они не ушли.

— Нет.

Она шла и смотрела под ноги.

— Михаил? — спросила она.

— Да?

— Я смогу. Полгода — смогу.

— Я знаю, — сказал он.

— Я не знаю, — сказала она честно. — Но хочу смочь.

Это уже что-то.

— Это много, — сказал Михаил.

Они дошли до машины. Он открыл дверцу — как всегда, по привычке которую не собирался менять. Она села.

Он сел рядом. Не заводил мотор — секунду просто сидел.

— Александра, — сказал он.

— Что?

— Помнишь, ты сказала — боишься, что тепла не хватит?

— Помню.

— Человек, который боится, что тепла не хватит — у того его много, — сказал он. — Кто пустой — тот не боится.

Она смотрела вперёд — на мокрое ноябрьское стекло, на размытые огни.

— Это откуда? — сказала она.

— Ирина Васильевна сказала. На первом занятии, в конце, я запомнил.

— Ты записывал?

— Нет. Просто запомнил.

Александра посмотрела на него.

— Ты всегда запоминаешь нужное, — сказала она.

— Стараюсь.

Она взяла его руку — просто, без предисловий. Сидели в машине под ноябрьским дождём и молчали.

Потом он завёл мотор и они поехали домой.

Надежда в ноябре была на двенадцатой неделе.

Живота ещё не было видно — или почти не было, если знать, куда смотреть. Валентина Степановна не знала куда смотреть. Пока.

Надежда каждое утро просыпалась с мыслью — сегодня скажу. И каждый вечер засыпала с мыслью — скажу завтра.

Сергей не торопил — обещал и держал слово. Но она видела — ему тяжело. Не потому, что он торопится, а потому, что он любит её и видит, как она мучается.

Однажды вечером он сказал — один раз, без нажима:

— Надя, я хочу жениться на тебе. Я хочу, чтобы это было официально, чтобы ты носила мою фамилию, если хочешь, чтобы наш ребёнок знал, что у него есть отец, который никуда не делся. Я не тороплю. Но я хочу, чтобы ты знала — это не просто слова.

Надежда слушала и смотрела на него.

— Я знаю, что не просто слова, — сказала она.

— Тогда, что держит?

— Мама, — сказала она. — Только мама.

— Надя, — сказал он тихо. — Ты хороший человек. Ты любишь её. Но ты живёшь свою жизнь, не её.

— Я знаю.

— Знаешь — но не можешь.

— Не могу, — призналась она. — Пока не могу. Но скоро, уже надо.

Он кивнул. Больше не говорил об этом — в этот вечер.

Надежда лежала ночью и думала про маму. Про то, как Валентина Степановна каждое воскресенье накрывала стол — обязательно суп, обязательно второе, обязательно чай с чем-нибудь сладким. Про то, как она гладила Надеждины платья, ещё когда та училась в университете — просто брала и гладила, не спрашивала. Про то, как после смерти папы стала тише и тверже одновременно — как дерево, которое гнётся, но не ломается.

Мама любила. Просто любила так — крепко, без воздуха, как держат что-то ценное и боятся выронить.

Надежда понимала это умом.

Сердце всё равно сжималось.

Она написала в чат «Лифт» поздно ночью:

«Не сплю»

Марина ответила через минуту — она часто не спала теперь, беременность мешала:

«Я тоже. Что?»

«Думаю про маму»

«И?»

«И ничего. Просто думаю»

Марина помолчала. Потом написала:

«Надя. Ты боишься, что она перестанет тебя любить?»

Надежда смотрела на вопрос.

Потом написала:

«Да»

«Она не перестанет, — написала Марина. — Такие мамы не перестают. Они злятся, обижаются, молчат неделями. Но не перестают»

«Ты уверена?»

«Уверена. Я видела таких мам. Твоя — из этих»

«Откуда ты знаешь, какая моя мама?»

«Ты такая же, как она, — написала Марина. — Только мягче. Яблоко недалеко упало»

Надежда лежала в темноте и думала про это.

Потом написала:

«Это комплимент или нет?»

«Это факт, — написала Марина. — Спи, давай»

«Ты тоже спи»

«Не могу — спина»

«Положи подушку под бок»

«Уже лежит»

«Тогда просто лежи»

«Спасибо за совет, — написала Марина. — Очень помог-

ло»

Надежда улыбнулась в темноту.

Написала:

«Марин»

«Что?»

«Спасибо»

«За что?»

«За то, что не спишь вместе со мной»

Пауза.

«Иди ты, — написала Марина. Без злобы. — Спи»

Надежда закрыла телефон.

За окном ноябрьский Петербург лежал тёмный и мокрый.

Сергей спал рядом — ровно, спокойно.

Она смотрела в потолок и думала — завтра. Завтра позволю маме и скажу, что приеду в воскресенье. И в воскресенье — скажу.

Она думала это уже третью неделю.

Но в этот раз что-то было другим — тоныше, острее. Как будто, что-то внутри сдвинулось с места. Может Марина, может Сергей, может просто двенадцать недель и она знала — ещё немного и будет видно.

Она взяла телефон снова. Написала маме в час ночи:

«Мама, можно я приеду в воскресенье? Хочу поговорить»

Отправила. Убрала телефон.

И заснула раньше, чем успела испугаться.

Утром мамин ответ ждал её:

«Конечно, приезжай. Сделаю пироги. Во сколько?»

Надежда читала это и думала — пироги. Мама всегда делала пироги, когда ждала её.

Написала Марине:

«Назначила на воскресенье»

Марина ответила быстро:

«Хорошо. Сергей едет с тобой?»

«Да»

«Тогда всё будет нормально»

«Ты так думаешь?»

«Я так знаю, — написала Марина. — Разница есть»

Надежда улыбнулась — потому, что это была её собственная фраза, которую Марина вернула ей обратно.

Воскресенье пришло быстро — как всегда приходит то, чего ждёшь со страхом.

Надежда и Сергей ехали к маме на такси. Сергей сидел рядом, не говорил ничего, просто держал её руку на сиденье.

— Ты помнишь, что мы договорились, — сказала Надежда.

— Помню.

— Сначала я говорю. Ты молчишь, пока я не скажу всё.

— Хорошо.

— Она может говорить громко.

— Я знаю.

— И плакать.

— Знаю, Надя.

— И говорить, что я её убиваю.

— Ты не убиваешь.

— Я знаю, что не убиваю. Но она так говорит иногда.

— Надя, — сказал Сергей.

— Что?

— Я здесь. Всё.

Она посмотрела на него — на это спокойное лицо, на эти руки. Выдохнула.

— Всё, — повторила она.

Мамина квартира была на Петроградской — старый дом, пятый этаж без лифта, узкая лестница. Надежда знала каждую ступеньку. Поднималась по ней всю жизнь.

Позвонила в дверь.

Валентина Степановна открыла быстро — ждала, значит. Маленькая, аккуратная, в том самом фартуке, который Надежда помнила с детства — синий, с белыми цветочками.

Увидела Надежду. Увидела Сергея.

— Здравствуйте, Валентина Степановна, — сказал Сергей.

— Здравствуйте, — сказала она сухо. Посмотрела на Надежду. — Проходите.

В квартире пахло пирогами — с яблоками, как всегда. На столе уже стояли чашки, лежала скатерть — белая, праздничная, которую мама стелила, когда приходили важные люди.

Надежда увидела скатерть и почувствовала, как горло сжалось.

Сели. Мама разлила чай — молча, аккуратно, Сергею чуть больше, Надежде как обычно. Порезала пирог.

— Мама, — сказала Надежда.

— Ешьте сначала, — сказала Валентина Степановна. — Пирог горячий.

Надежда посмотрела на Сергея. Он едва качнул головой — подожди.

Они ели. Пирог был хорошим — как всегда, как двадцать лет.

Валентина Степановна смотрела на Сергея.

— Вы давно знакомы с Надеждой, — сказала она. Не вопрос — проверка.

— Больше года, — сказал Сергей.

— И всё это время не женились.

— Мама, — сказала Надежда.

— Я спрашиваю, — сказала Валентина Степановна спокойно.

— Это моя вина, — сказал Сергей. — Не Надина. Я не торопил.

— Почему не торопили?

— Потому, что Надежда должна была быть готова. Я ждал.

Валентина Степановна смотрела на него — долго, внимательно, как смотрят когда взвешивают.

— Надо было торопить, — сказала она наконец.

— Мама, — сказала Надежда.

— Что мама? — сказала Валентина Степановна. — Я говорю что думаю. Надя всегда ждёт пока само. Само не приходит. Надо было торопить.

— Валентина Степановна, — сказал Сергей спокойно. — Надежда — взрослый человек. Я не тороплю взрослых людей.

— Она моя дочь.

— Она моя женщина, — сказал Сергей. — Мы можем оба любить её и оба уважать её решения.

Тишина.

Валентина Степановна смотрела на него — секунду, две. Что-то в её лице чуть дрогнуло. Потом снова стало твёрдым.

— Жениться собираетесь? — спросила она.

— Собираемся, — сказал Сергей.

— Когда?

— Мама, — сказала Надежда, — я хочу сказать тебе кое-что.

Валентина Степановна посмотрела на дочь.

— Говори.

Надежда сидела прямо. Руки на столе, пальцы переплетены — она держала себя, как держат что-то хрупкое.

— Мама, — сказала она. — Мы с Сергеем хотим пожениться. Я хочу этого. По-настоящему хочу, не потому, что надо. — Пауза. — И ещё.

— Что ещё? — спросила Валентина Степановна. Голос был ровным, но руки на столе чуть сжались.

Надежда посмотрела на Сергея. Он смотрел на неё — спокойно, без подсказки. Просто — я здесь.

Она повернулась к маме.

— Мама, у нас с Сергеем будет ребёнок.

Тишина.

Абсолютная, полная — как будто квартира задержала дыхание.

Валентина Степановна смотрела на дочь. Потом на Сергея. Потом снова на дочь.

— Что? — спросила она. Тихо, не громко — это было почти страшнее, чем, если бы, громко.

— Я беременна, — сказала Надежда. — Четырнадцать недель.

— Четырнадцать, — повторила Валентина Степановна. — Четырнадцать недель ты молчала.

— Да.

— Ты молчала четырнадцать недель.

— Мама...

— Надежда, — сказала Валентина Степановна. Голос, наконец, сломался — не в крик, а в другую сторону, вниз. — Четырнадцать недель. Ты ходила ко мне, пила чай, ела пироги — и молчала.

— Я боялась, — сказала Надежда.

— Меня боялась?

— Да.

Валентина Степановна встала. Отошла к окну — спиной к ним, маленькая, в синем фартуке с белыми цветочками.

Надежда смотрела на её спину и думала — вот оно. Вот сейчас.

Сергей не двигался. Сидел — спокойно, как сидит человек, который готов ждать столько, сколько нужно.

Валентина Степановна стояла у окна долго — минуту, может больше.

Потом сказала — в окно, не оборачиваясь:

— Ты боялась меня...

— Да, мама.

— Я так воспитала тебя, что ты боишься мне сказать...

Это был не вопрос. Это было что-то другое — тихое и тяжёлое.

— Мама, — сказала Надежда. — Ты воспитала меня хорошо. Это я — я всегда боялась тебя расстроить. Это моё, не твоё!

Валентина Степановна обернулась.

Глаза у неё были мокрыми — она не плакала, просто мокрыми.

— Ты думала, я откажусь от тебя? — спросила она.

— Нет, — сказала Надежда. — Я думала, тебе будет больно.

— Мне больно, что ты молчала.

— Я знаю. Прости.

Валентина Степановна смотрела на дочь. Потом на Сергея.

— Вы, — сказала она ему.

— Да, — сказал Сергей.

— Вы знали, что она боится мне сказать?

— Знал.

— И ждали?

— Ждал.

— Год ждали?

— Год, — подтвердил он.

Валентина Степановна смотрела на него долго — тем взглядом, которым смотрят, когда решают что-то важное и окончательное.

— Почему? — спросила она наконец.

— Потому, что она важнее, — сказал Сергей просто. — Её спокойствие важнее моего нетерпения.

Валентина Степановна стояла и смотрела на него.

Потом что-то в ней — то твёрдое, то, что держало её прямо всё это время — медленно опустилось. Не сломалось, просто опустилось.

Она вернулась к столу. Села. Взяла свою чашку — чай уже остыл, она не заметила.

— Мальчик или девочка? — спросила она.

Надежда моргнула.

— Не знаем ещё, — сказала она. — Не стали узнавать.

— Правильно, — сказала Валентина Степановна. —

Пусть будет сюрприз.

Тишина.

Надежда смотрела на маму и не понимала — что это было. Не капитуляция, не прощение, не принятие — что-то своё, без названия.

— Мама, — сказала она осторожно.

— Что?

— Ты не злишься?

— Злюсь, — сказала Валентина Степановна спокойно. — Что молчала — злюсь. Что боялась меня — злюсь. — Пауза. — Но ребёнок здесь ни при чём.

— Мама...

— Это мой внук или внучка, — сказала Валентина Степановна. — При чём тут злость...

Надежда почувствовала, как что-то горячее поднялось изнутри — быстро, неожиданно. Она зажмурилась на секунду.

— Не плачь, — сказала мама — автоматически, как говорила всегда.

— Я не плачу, — сказала Надежда. Хотя плакала.

Валентина Степановна посмотрела на Сергея.

— Вы когда жениться собираетесь? — спросила она. — Конкретно?

— Как Надежда скажет, — сказал Сергей.

— Надежда, — сказала Валентина Степановна, повернувшись к дочери. — Говори конкретно.

Надежда вытерла глаза. Посмотрела на Сергея.

— В январе, — сказала она. — Если ты не против.

— Я не против, — сказал Сергей. И чуть улыбнулся — сдержанно, но она видела.

— Январь холодный, — сказала Валентина Степановна. — Но ладно.

— Мама, ты даёшь согласие? — спросила Надежда. Тихо, серьёзно.

Валентина Степановна посмотрела на Сергея — долго, последний раз, как будто закрывала какой-то внутренний вопрос.

— Даю, — сказала она. — Берегите друг друга. Вот моё условие.

— Договорились, — сказал Сергей.

Валентина Степановна встала, убрала остывшие чашки, поставила чайник снова.

— Есть будете? — спросила она. — Пирог ещё тёплый.

— Будем, мама, — сказала Надежда.

Они сидели ещё час — пили свежий чай, ели пирог. Валентина Степановна расспрашивала Сергея — про работу, про дочь, про то, где они будут жить. Сергей отвечал спокойно и подробно. Надежда сидела между ними и чувствовала, как что-то огромное, что давило месяцами, наконец, отпустило.

Когда уходили — в прихожей, уже одетые — Валентина Степановна взяла Сергея за руку.

— Вы хороший человек, — сказала она. Тихо, только ему.

— Я вижу.

— Стараюсь, — сказал Сергей.

— Старайтесь дальше.

Надежда надевала шапку и делала вид, что не слышит. Хотя слышала каждое слово.

На улице — ноябрьский вечер, фонари, мокрый асфальт — она взяла Сергея под руку и они пошли к остановке.

— Ну, — сказал он.

— Ну, — сказала она.

— Нормально же всё.

— Нормально, — согласилась Надежда. Голос был чуть хриплым — от слез, которые она держала весь разговор.

— Она хорошая, — сказал Сергей.

— Я знаю.

— Просто любит крепко.

— Я знаю, Серёжа.

Они шли молча. Потом Надежда остановилась.

— Подожди, — сказала она.

— Что?

Она повернулась к нему и обняла — прямо на тротуаре, под фонарём, в ноябре. Крепко, по-настоящему, уткнувшись в его плечо.

Он обнял в ответ — и молчал. Просто держал.

— Год, — сказала она в его плечо. — Я мучила тебя целый год.

— Не мучила, — сказал он.

— Мучила.

— Надя, — он чуть отстранился, посмотрел на неё. — Ты не мучила. Ты шла своим темпом. Я шёл рядом. Это не мучение.

Она смотрела на него — на это спокойное лицо, на этого человека, который год ждал, пока она соберётся, ни разу не надавил, ни разу не упрекнул.

— Я не заслуживаю тебя, — сказала она.

— Это глупости, — сказал он.

— Серьёзно.

— Серьёзно глупости, — повторил он. — Мы заслуживаем друг друга. Именно так — оба, в обе стороны. Других вариантов нет.

Надежда смотрела на него ещё секунду.

Потом написала в чат «Лифт» прямо там, на тротуаре, не отходя:

«Сказала маме»

Телефон завибрировал почти сразу — обе, одновременно.

Марина:

«И?»

Александра:

«Как она?»

«Дала согласие на свадьбу, — написала Надежда. — Назвала Сергея хорошим человеком»

Пауза — секунды три.

Марина:

«Я же говорила!»

Александра:

«Когда свадьба?»

«Январь»

Марина:

«Январь холодный»

«Мама тоже так сказала»

«Умная женщина»

Надежда засмеялась — прямо в телефон, на тротуаре, рядом с Сергеем, который читал через плечо.

Александра написала последней — коротко, как умела когда что-то важное:

«Надя, я рада за тебя»

Надежда смотрела на эти три слова.

За год она научилась принимать от Александры именно такие слова — без украшений, без смайликов, просто суть. Это значило больше, чем длинное сообщение.

Написала в ответ:

«Спасибо. Обеим»

Убрала телефон. Взяла Сергея под руку.

— Пойдём, — сказала она.

— Пойдём, — согласился он.

Они шли по ноябрьской Петроградской — мимо старых домов, мимо фонарей, мимо мокрых деревьев в последних листьях. Где-то за домами была Нева, за Невой — остальной город, большой и тёмный и свой.

Надежда шла и думала, что в январе выйдет замуж. Что через пять месяцев у неё будет ребёнок. Что мама только что назвала Сергея хорошим человеком.

Что красное платье, которое висело в шкафу три года, она надела на новогоднюю ночь год назад и с тех пор надевала ещё несколько раз.

Что лифт, который сломался в прошлом октябре, изменил всё.

— Серёжа, — сказала она.

— Что.

— Ты рад?

— Да, — сказал он просто.

— Не страшно?

— Страшно, — согласился он. — Но это хороший страх.

Надежда посмотрела на него.

— Марина так же говорит, — сказала она.

— Марина умный человек, — сказал Сергей.

— Она будет рада это слышать.

— Можешь передать.

— Передам, — сказала Надежда. — Она будет делать вид, что ей всё равно, но будет рада.

Сергей улыбнулся — вполголоса, как улыбаются, когда хорошо и незачем это скрывать.

Глава 3. Декабрь. Бумаги

Декабрь начался с документов.

Александра знала, что будет много бумаг — Ирина Васильевна предупреждала, да и люди в группе рассказывали. Но одно дело знать, другое — держать в руках список на двух страницах мелким шрифтом и понимать, что это только начало.

Она разложила список на столе в мастерской — Михаил смотрел через плечо.

— Медицинские справки, — читала она. — Психиатр, нарколог, терапевт, флюорография. Справка об отсутствии судимости. Справка с места работы. Характеристика. Акт обследования жилья. Автобиография. Это только первый этап.

— Начнём с медицины, — сказал Михаил.

— Это недели три.

— Тогда начнём сейчас.

Она посмотрела на него.

— Ты не паникуешь, — сказала она.

— Нет.

— Почему?

— Потому, что это просто бумаги, — сказал Михаил. — Много бумаг.

— Просто бумаги, — повторила Александра.

— Бумаги не страшные, — сказал он. — Страшнее было, когда решались. Теперь, когда решили — остальное просто работа.

Она смотрела на список.

— Ты умеешь так, — сказала она.

— Как?

— Разделять. Вот решение — оно большое и страшное. Вот исполнение — оно просто шаги. Ты не смешиваешь.

— Профессиональная деформация, — сказал Михаил. — Архитектор сначала думает, потом чертит. Нельзя чертить и думать одновременно — получится плохо.

Александра посмотрела на список ещё раз. Взяла ручку, разделила на колонки — что Михаил, что она, что вместе, сроки.

Михаил наблюдал, как она это делает.

— Вот, — сказала она. — Так лучше.

— Ты умеешь так, — сказал он. Её же слова.

— Как?

— Любой хаос превращать в структуру.

— Это не всегда хорошо.

— Сейчас хорошо, — сказал он.

Они начали в первую неделю декабря. Медицина — очереди, талоны, коридоры поликлиник. Александра взяла отгулы, Михаил подстраивал объекты. Ходили вместе, когда можно было вместе, по отдельности, когда нельзя.

Психиатр — пожилой мужчина с усталым лицом — по-

смотрел на них поверх очков.

— Зачем усыновляете, — спросил он. Без интонации, как спрашивают в сотый раз.

— Хотим ребёнка, — сказала Александра.

— Своих нет?

— Нет.

— Почему нет своих?

Она смотрела на него.

— Это имеет значение для справки? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Просто спрашиваю.

— Тогда это наше дело, — сказала она спокойно.

Михаил под столом накрыл её руку своей — едва, на секунду. Она поняла — не заводишь, просто справка.

Психиатр что-то написал, поставил печать.

— Здоровы, — сказал он. — Следующий.

На улице Александра остановилась и выдохнула.

— Просто усталый человек, — сказал Михаил.

— Я знаю, — сказала она. — Просто неприятно, когда на тебя смотрят как на анкету.

— Ещё будет такое.

— Знаю.

— Справишься?

— Справлюсь, — сказала она. — Это просто бумаги.

Он улыбнулся — она повторила его слова и оба это знали.

Акт обследования жилья пришёлся на третью неделю декабря.

Инспектор позвонила за день — голос деловой, сухой, представилась Татьяной Николаевной. Назначила время — десять утра, среда.

Александра готовилась как к важной встрече. Убрала квартиру — хотя квартира и так была убрана. Купила цветы. Подготовила документы в папку.

Михаил смотрел на это.

— Саша, — сказал он.

— Что?

— Это осмотр квартиры. Не выставка.

— Я знаю.

— Цветы не обязательно.

— Мне так спокойнее, — сказала она.

Он не стал спорить.

Татьяна Николаевна пришла в десять ровно — невысокая, лет сорока пяти, в казённом пальто, с папкой. Вошла, огляделась — быстро, профессионально, как осматривают помещение по работе.

— Квартира ваша? — спросила она.

— Наша, — ответила Александра. — Собственность, документы вот.

— Метраж?

— Восемьдесят семь.

— Комнаты?

— Три.

Она ходила по квартире и записывала — кухня, санузел,

комнаты. Заглядывала в шкафы — Александра не ожидала этого, но промолчала. Записывала.

В детской — комнате, которую они уже так называли про себя, хотя там пока стоял только стол и пустые полки — Татьяна Николаевна остановилась.

— Здесь будет ребёнок? — спросила она.

— Да, — сказала Александра.

— Кроватки нет.

— Мы не знаем еще, сколько лет будет ребёнку, — сказала Александра. — Купим, когда узнаем.

Татьяна Николаевна что-то написала.

— Ремонт когда делали, — спросила она.

— Три года назад.

— Протечек нет?

— Нет.

— Соседи сверху не заливают?

— Нет.

Татьяна Николаевна прошла ещё раз — по коридору, обратно в гостиную. Остановилась у окна, посмотрела во двор.

— Тихий район, — сказала она.

— Да, — сказал Михаил.

— Школы рядом есть?

— Две, — сказала Александра. — Одна в пяти минутах пешком.

Татьяна Николаевна кивнула. Что-то ещё написала. За-

крыла папку.

— Присядете? — спросила Александра. — Чай или кофе.

Татьяна Николаевна посмотрела на неё — чуть удивлённо, как будто такое предлагали нечасто.

— Кофе, — сказала она. — Если не сложно.

Сели на кухне. Александра варила кофе — в турке, как научил Михаил. Татьяна Николаевна сидела прямо, папка на коленях, смотрела на цветы на столе.

— Давно решили усыновить? — спросила она. Другим голосом — не казённым, просто.

— Думали давно, — сказала Александра. — Решили летом.

— Почему решились?

— Потому, что время пришло, — сказала Александра. — Просто поняли оба — пора.

Татьяна Николаевна взяла кофе. Отпила.

— Хороший, — сказала она.

— Михаил научил.

Татьяна Николаевна допила кофе и встала.

— Акт подпишу, — сказала она. — Замечаний нет. — Открыла папку, достала бумагу. — Вот здесь и здесь.

Александра подписала. Михаил следом.

Татьяна Николаевна убрала бумаги, застегнула папку.

— Татьяна Николаевна, — сказала Александра.

— Да?

— Долго ждать следующего этапа?

Та помолчала секунду.

— По-разному, — сказала она. — Официально — месяц. По-человечески говоря — как пойдёт.

— Что значит, как пойдёт? — спросила Александра.

— Значит, от многого зависит, — сказала Татьяна Николаевна. Голос снова стал чуть казённым. — Очередь, загруженность, обстоятельства.

Александра смотрела на неё.

— Обстоятельства можно как-то ускорить? — спросила она прямо.

Татьяна Николаевна посмотрела на неё — внимательно, без выражения.

— В смысле? — сказала она.

— В прямом, — сказала Александра. — Есть что-то, что можно сделать, чтобы процесс шёл быстрее.

Пауза.

— Документы сдать полным комплектом, — сказала Татьяна Николаевна ровно. — Без ошибок и без недостающих бумаг. Это ускоряет сильнее всего остального.

— Понятно, — сказала Александра.

— Удачи вам, — сказала Татьяна Николаевна. И ушла.

Дверь закрылась.

Александра и Михаил стояли в прихожей.

— Ты зачем спросила? — спросил Михаил тихо.

— Хотела понять.

— Понять что?

— Как здесь работает, — сказала Александра. — Мне рассказывали, что бывает по-разному. Что некоторые — намекают.

— Она не намекала.

— Нет, — согласилась Александра. — Не намекала.

— Значит нормальный человек.

— Значит нормальный, — сказала она. Помолчала. — Но будут и другие. Мне говорили.

— Будем разбираться по мере, — сказал Михаил.

Она кивнула.

Написала в чат «Лифт»:

«Акт подписан. Замечаний нет»

Марина ответила сразу:

«Хорошо. Первый круг»

«Первый из многих»

«Идёте дальше?»

«Идём»

Надежда написала:

«Вы молодцы оба»

Александра смотрела на это сообщение.

Потом написала:

«Пока просто бумаги. Самое сложное впереди»

Марина:

«Справитесь»

Александра убрала телефон.

Прошла в комнату, которую они называли детской. Встала

у окна — пустые полки, стол, декабрьский свет в окне.

Где-то есть ребенок, и он не знает про эту комнату. Не знает, что двое взрослых людей собирают справки и ходят к психиатрам, и варят кофе инспекторам. Не знает, что его уже очень ждут.

Она положила ладонь на пустую полку.

— Мы идём, — сказала она тихо. — Просто подожди ещё немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.